

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ и ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Фрагмент книги

«Смертная казнь». М., 1913

приведено по интернет-версии

Веб-публикация: Eleonore и редакторы сайта Vive Liberta и Век Просвещения ©

Так, в конце XVIII века вопросы уголовного законодательства подвергаются всенародному обсуждению при составлении в 1789 году наказов депутатам, посылаемым в Париж для работы над обновлением государственного строя. Как известно, эти указы выработывались в сословных собраниях, и поэтому они представляют громадный интерес для выяснения отношения различных классов французского общества к вопросам права и, вообще, государственного устройства. Задачи настоящей работы не позволяют нам подробно остановиться на разработке богатейшего материала наказов, выясняющих не только фактическое состояние уголовной юстиции во Франции 18 в., но и желания в этой области дворянства, духовенства и третьего сословия. Мы ограничимся в настоящее время ознакомлением по наказам лишь с отношением к смертной казни во Франции различных слоев общества.

Как известно, общей программы наказов не было выработано. Каждое собрание записывало в тетрадку то, что интересовало его наиболее. Чем шире была нужда, чем более страдало то или другое сословие от ее неудовлетворения, тем чаще встречается указание не нее в наказах. Содержание наказов показывает, что вопрос о смертной казни пользовался широким общественным вниманием. По нашему подсчету, он затронут в 68 наказах. Но различные классы отнеслись к нему не с одинаковым вниманием. В 47 случаях (почти 70% общего числа наказов, в которых встречается упоминание о смертной казни) это были указы третьего сословия, в 6 случаях указы дворянства и только в 3-х случаях, или 4,4% указы духовенства).

Неудивительно, что третье сословие проявило здесь наибольший интерес. Оно не могло не видеть и не чувствовать, что поставщиком эшафота является беднота, что тюрьмы населены ею же, что кары, которым подвергают рабочего, крестьянина, ремесленника, в несколько раз суровее наказаний для дворянина и лиц, принадлежащих к духовенству. Жалобы на уголовную юстицию встречаются в громадном числе наказов третьего сословия.

Так, в одном из наказов дается такая характеристика уголовного законодательства: «мы бедны; наши жены иногда, после ветров, идут в лес подобрать поломанные сучья, чтобы испечь хлеб, но сторожа хватают их. Мы видели беременных женщин, которых бесчеловечно тащили в тюрьму на долгие дни, недели, и, когда мы приходили взять их, нам отвечали, что они родят в тюрьме не хуже, чем в другом месте... Нам не нравится, что судьи так высоко поставлены над нами по рангу... Наши дочери Салмон, Брэдье, Симар, Лардис и много других были из бедного народа; их судьи были богаты и могущественны; состав суда, выбранный из их сословия, отнесся бы к их чести и жизни с тем вниманием, с каким они ценили их сами... Есть факты, которым нельзя было бы поверить, если бы не научил всему верить этот режим, считающей одинаковой по цене жизнь зайца и жизнь человека». Эта последняя фраза требует изменения законов об охоте, созданных исключительно в интересах дворянства. Жестокое наказание, вплоть до смертной казни, постигало тех виновных крестьян, кто решался убить по голодной нужде какую-нибудь дичь: право охоты на нее было предоставлено развлекающемуся дворянству, которое стремилось охранить его еще строже.

Вопрос о смертной казни не только чаще всего упоминается в наказах третьего сословия, но и разработан в них с наибольшею полнотой и подробностью. Видно, что всходившие на плаху были особенно близки этому сословию, и оно заботливо старалось спасти преступника от казни, ограничить случаи ее применения, обставить приговор возможными гарантиями и избавить от позора труп казненного. Если в наказе третьего сословия возбуждается вопрос о смертной казни, то почти всегда сословие указывает на необходимость большого ограничения области ее применения. Оно просит отменить колесование, сообщать каждый смертный приговор королю и приводить его в исполнение только после утверждения самим королем, ограничить случаи смертной казни назначением ее только за некоторые преступления (лишь за преднамеренное убийство, как требовали одни указы, или за убийство, поджоги и отравление, как указывали другие указы и пр.).

Так, третье сословие Монпелье просит, чтобы смертная казнь назначалась только в тех случаях, когда от преступления не могут удержать ни страх потери чести, ни лишение имущества и свободы. Третье сословие Версаля просит, чтобы смертная казнь назначалась лишь в самых редких случаях и лишь за самые ужасные преступления. Третье сословие острова Корсики просит ограничить смертную казнь применением ее за преступления против величества, за отцеубийство и предумышленное убийство. Так как смертная казнь исполнялась не одинаковыми способами над знатным и «простым» гражданином, то третье сословие просит об установлении равенства и в этом отношении. Особенно характерна просьба третьего сословия Рошфора, которое указывает на позорность смертной казни через повешение и «умоляет короля отменить этот вид казни и заменить его отрубанием головы, применяемым до сих пор только к благородным». Об этом же ходатайствует третье сословие г. Лиона; по его мнению «отрубание головы должно применяться ко всем без различия». Третье сословие просит хоронить казненных так же, как и прочих граждан, без упоминания в метрическом свидетельстве рода смерти, т.е. казни. Третье сословие Понтью, требуя органичения смертной казни применением ее лишь за три важнейших преступления, полагает, что смертный приговор должен приводиться в исполнение через месяц после вступления его в силу, а объявляться осужденному за сутки до его исполнения. Третье сословие Нэмура рекомендует не объявлять смертных приговоров самим осужденным, а сообщать о них защитнику.

В некоторых случаях были ходатайства о применении смертной казни за такие преступления, за которые она до того времени не назначалась. Так, *paroisse Villemoisson* просит присудить к ней за злостное банкротство. Об этом же ходатайствует *village de Jagni, tiers etat du Charolais, Commune de Valenton* находит необходимым запретить вывоз за границу зерна под страхом смертной казни.

Менее всего интересовал вопрос о смертной казни духовенство. Только в двух наказах оно высказывается за ограничение этого наказания. Духовенство же г. Нанси требует, чтобы законы, изданные против дуэлей, соблюдались со всей строгостью. Следует заметить, что эти законы были в высшей степени жестоки: дуэлянты подлежали смертной казни; в случае бегства виновного, он осуждался заочно, и казнь исполнялась над изображением осужденного; казни исполнялись даже над трупами убитых на дуэли; лакеи и прислуга, передавшие письмо с вызовом на дуэль, подлежали телесному наказанию и клеймению раскаленным железом.

Интересно выяснить отношение избранных депутатов к смертной казни.

Франция переживает революцию. Дух народа приподнят как никогда. Национальное собрание слушает доклад депутата Лепельтье-Сан-Фаржо. Он критикует современное ему кровавое законодательство и требует полной отмены смертной казни за одним исключением: глава партии, объявленной декретом законодательного собрания революционной, должен быть казнен не для искупления своей вины, но ради безопасности государства. Этот доклад и прения по нему, бывшие более ста лет тому назад, полны глубокого интереса.

Лепельтье-Сан-Фаржо разивал принципы будущего уголовного законодательства «свободного и просвещенного народа». При ознакомлении с его доводами нельзя забывать, что нас отделяет от них более чем столетие.

Неудивительно, что некоторые предложения оратора, казавшиеся его слушателям смелыми до дерзости, не всегда удовлетворяют теперь даже очень скромного либерального криминалиста.

«Закон тем менее достигает цели, чем более он расходится с гуманностью». Таково основное положение докладчика, из которого он делает вывод, что первым требованием уголовного закона является его гуманность. Жестокий закон, противный общественному мнению, не применяется, и преступление остается безнаказанным. В виде примера он указывает на требование закона казнить за кражу у господ, «но господ предпочитают теперь прогнать неверного слугу, нежели донести на него властям; если же дело доходит до суда, то государственный обвинитель, свидетели и потерпевший и даже сами судьи входят между собою в соглашение для защиты обвиняемого от смертной казни и оправдывают его». (Заметим здесь, что именно этими, соображениями безнаказанности преступления объясняется петиция банкиров в Лондоне в начале XIX века: более 1000 банкиров и купцов просили парламент об отмене смертной казни за подделку банковых билетов и мотивировали свою просьбу, между прочим, тем, что громадное число оправданий за это преступление объясняется нежеланием применять смертную казнь: «опасность грозит, - писали они, - самому праву собственности».)

Вторым требованием уголовного наказания Лепельтье-Сан-Фаржо считал соразмерность между виной преступника и применяемой к нему карой; применение же смертной казни к вору, совершившему кражу со взломом, и к убийце является нарушением этого требования.

Исходя из принципов устрашения и исправления, Лепельтье требовал от наказания, чтобы оно было длящееся, публичное и отбывалось, по возможности, в месте совершения преступления: «длящееся наказание, продолжительные работы являются в глазах народа напоминанием об отомщающем законе и возбуждают у всех спасительный ужас». Но устрашительность наказаний «не должна забывать принципов гуманности», и докладчик отвергает кнут и клеймение, хотя и сознается, что колеблется, следует ли отменить последнее.

Переходя к вопросу о смертной казни, докладчик не останавливается на пресловутом вопросе о праве на наказание. Государство имеет это право так же, как имеет право убивать врагов во время внешней войны. Преступник - внутренний враг, и, если нет других средств побороть его, смертная казнь необходима. Но способна ли она остановить движение преступности? По мнению докладчика, - ни в каком случае. Никогда боязнь смерти не останавливает преступника. Он всегда надеется избежать наказания. Простая, неквалифицированная смертная казнь, о которой теперь только и может идти речь, не устрашает, а зрелище казней развращает зрителя. Однако эта критика не помешала автору предложить в замену смертной казни продолжительное суровое заточение с предварительной трехдневной публичной выставкой в кандалах у позорного столба на площади. Имя осужденного, его преступление и приговор должны быть написаны на доске над головой преступника. На этой же доске должно быть описано и наказание, предстоящее виновному: «одно из наиболее горячих желаний человека - быть свободным, потеря свободы будет первым условием его наказания. Вид неба и света - одна из самых приятных радостей; осужденный будет заключен в темный карцер. Общество и общение с людьми необходимы для счастья людей - осужденный будет содержаться в полнейшем одиночестве. Его тело закуют в железо. Хлеб и вода будут его пищей, солома для подстилки будет дана в необходимом размере... Но не будем забывать, что всякое наказание должно быть гуманно, и внесем некоторое утешение в этот темный карцер страдания. Первое и главное смягчение этого наказания - сделать его временным... Слово «навсегда» - страшно и неразрывно связано с чувством отчаяния». Преступник должен постепенно получать разные льготы и облегчение своего положения. Отдавая дань взглядам своего времени, требовавшего устрашительности наказания, Лепельтье и члены комитета по пересмотру уголовного законодательства предлагали открывать один раз в месяц двери тюрем и показывать публике преступников в их темных карцерах с надписью над дверью, кто заключен в них и за какое преступление. [о Ле Пеллетье де Сен-Фаржо на наших сайтах]

Предложение об отмене смертной казни было отвергнуто почти единогласно. Публика, переполнявшая трибуны, была на стороне защитников смертной казни и аплодировала решению Национального собрания сохранить эшафот и на будущее время. Аплодисментами же было встречено предложение депутата Гарастаршего отрубать отцеубийцам перед казнью кисть руки, но раздалось также и шиканье. Правая заглушила своими криками речь Баррера, возражавшего депутату Гара и назвавшего его предложение об отрубании руки позорным. Правая же сторона и часть левых голосовали за это предложение Гара; но оно было отвергнуто (незначительным большинством). Этому голосованию предшествовали горячие прения. Из речей ораторов, выступавших за отмену смертной казни, мы остановимся на двух наиболее интересных. Одну из них произнес знаменитый Робеспьер, а другую, очень обширную и всесторонне освещавшую вопрос, депутат от г. Парижа Дюпор. Робеспьер доказывал, что смертная казнь несправедлива и бесполезна. «Победителя, умерщвляющего побежденного врага, зовут варваром. Человек, убивающий ребенка, которого он может обезоружить и наказать, - чудовище. Обвиняемый, которого осуждает на смерть общество, тот же побежденный и беспомощный неприятель; он, сравнительно с обществом, еще более слаб, чем ребенок перед взрослым... И поэтому в глазах правды и справедливости эти сцены казней - лишь отвратительные убийства». Варварский закон налагает цепи на человека; он - оружие, которым пользуются деспоты, чтобы подчинить народ своему игу; он написан кровью... О необходимости смертной казни говорят защитники старой, варварской рутин. Но разве государство не располагает другими средствами для борьбы с преступлениями? Закон должен быть образцом справедливости. Но если он заставляет проливать человеческую кровь и показывает народу сцены жестокости и убийства, то он действует развращающе».

Речь Дюпора была произнесена от имени комитетов по пересмотру уголовного законодательства и конституционного.

Она произвела впечатление на слушателей, но враждебное отношение большинства аудитории было очевидно для оратора, и он с грустью сознавал, что его речь лишь отсрочивает на четверть часа торжество смертной казни. Лишь один раз Национальное собрание аплодировало Дюпору, когда он возражал защитнику казни в рясе. Это духовное лицо прервало речь Дюпора возгласом, что смертная казнь допущена к употреблению Библией. Дюпор напомнил ему, что братоубийца Каин не был казнен, а Национальному собранию он напомнил, что в 8-й статье «Декларации прав человека и гражданина» оно само признало: «Закон может устанавливать лишь действительно и очевидно необходимые наказания», смертная же казнь не принадлежит к числу таких наказаний. Она не устрашает преступников; они видят в ней лишь ее

материальную сторону, нравственная сторона их не касается; наказание смертью для них только смерть, а смерть - дурная четверть часа.

В речи Дюпора сторонники обоих новых течений в области уголовного права при желании могли бы найти их основные идеи. «Убийца - поистине большое существо», - вот мысль Дюпора, которая несколько десятилетий спустя нашла себе выражение в трудах уголовно-антропологической школы. Но в то время как антропологи пришли к оправданию казни неисправимых прирожденных преступников, Дюпор видел в болезненности убийц довод против смертной казни. Идея же социологической школы выражена оратором в признании, что и жестокие преступления имеют свои причины, на которые необходимо реагировать. Это - крайняя нищета и безнадежно тяжелое положение. Необходимы предоставление работы желающим и помощь не имеющим возможности работать. С глубокою верою в социальное происхождение преступлений Дюпор говорил Национальному собранию: «Вы сочли совершенно правильно одною из главных ваших обязанностей составление уголовного уложения, но я решаюсь заявить вам, что три четверти этого уложения заключаются в той работе, которую должен представить вам ваш комитет о нищенстве».

Из других речей, произнесенных в этом заседании национального собрания, отметим речь депутата Прюньона, считавшего необходимым сохранить смертную казнь за важнейшие политические преступления, за предумышленные убийства, отравления, поджоги и подделку банковских билетов. Оратор впадал в очевидное противоречие, когда, требуя смертной казни, говорил: «уголовные законы всех народов составлены могущественными и богатыми против тех, кого называют народом, и таким образом хороший уголовный кодекс - лучший подарок для бедных». И Прюньон требовал, как подарка народу, т.е. его бедным классам, сохранения палача и эшафота, на который почти исключительно входят преступники, вышедшие из того же народа. Было бы ошибочно предполагать, что оратор имел в виду казнь политических преступников из «аристократии»; такое предположение опровергается требованием Прюньона сохранить казнь за преступления против собственности и личности.

В Конвенте вопрос об отмене смертной казни возбуждался шесть раз, прежде чем было принято предложение о ее отмене, впрочем лишь со дня опубликования о наступлении общего успокоения. Депутаты и публика, присутствовавшая на заседании, встретили это постановление шумными аплодисментами (заседание 14 брюмера IV года), но оно не имело никакого практического значения, так как отодвигало эту отмену на неопределенное будущее. Прения в этом последнем заседании Конвента были кратки и велись без всякого оживления. Комиссия одиннадцати предлагала отменить смертную казнь немедленно. Но противники этого предложения находили момент неудачным и провели формулу, которая осуждала смертную казнь принципиально, но не лишала ее возможности продолжать свое кровавое дело. Принятие этой формулы было сомнительной данью общественному мнению. Грандиозная ломка уголовного законодательства и всего политического строя должна была завершиться эффектным и красивым, но ни к чему не обязывающим осуждением смертной казни. По-видимому, сам Конвент не считал принятие такой формулы серьезной отменой смертной казни. По крайней мере, когда в предшествующие заседания заходила речь о немедленной отмене этого наказания, то все предложения не имели успеха. Так, предложение Ксонфеда (заседание 17 июня 1793 г.) отменить это наказание за все преступления, кроме общепасных, осталось без обсуждения, и никто не поддержал подробного проекта Шампен-Обена, требовавшего 1) отмены смертной казни, 2) сожжения палачами всех эшафотов, 3) приостановки приговоров к казни, постановленных судами обыкновенными - уголовными, военными и революционными трибуналами.

Как известно, во Франции не было опубликовано о наступлении успокоения, и смертная казнь осталась неотмененной. Буржуазная революция удовольствовалась провозглашением красивой формулы отмены смертной казни точно так же, как, провозгласив свободу, равенство и братство, не дала народу ни свободы, ни братства, ни равенства.

М. РОБЕСПЬЕР

О СМЕРТНОЙ КАЗНИ

речь в Учредительном собрании 30 мая 1791 года

Приведено по:

Избранные произведения.

М., 1965. Т. 1. С.149-154

Проект Уголовного кодекса 1791 года был предложен Учредительному собранию Франции депутатом Лепелетье де Сен-Фаржо. Проект подвергся длительному рассмотрению. В выступлениях депутатов особое внимание было обращено на решение вопроса о том, сохранить ли в качестве наказания смертную казнь (проект Лепелетье ее исключал). В прениях выступило большое число депутатов, и каждый из них считал своим долгом ответить на этот вопрос. Выступил в прениях и Робеспьер с обширной речью, специально посвященной вопросу о смертной казни (30 мая 1791 г.).

Когда до Аргоса дошли вести о том, что в городе Афинах граждане были приговорены к смерти, народ устремился в храмы и умолял богов отвратить от афинян столь жестокие мысли. Я умоляю не богов, а законодателей, которые должны быть их истолкователями и посредниками, вычеркнуть из кодекса французов кровавые законы, предписывающие юридические убийства, которые общий интерес запрещает еще более, чем разум и человеколюбие. Я хочу доказать им два основных положения: первое - что смертная казнь крайне несправедлива, второе - что она является не самым репрессивным наказанием и гораздо более способствует увеличению преступлений, чем предупреждению их.

Имеет ли общество право назначать смертную казнь? На этот вопрос нетрудно ответить: общество не может иметь иного права, чем то, которое принадлежало первоначально каждому человеку, - добиваться удовлетворения за отдельные оскорбления, которые были ему нанесены. Если независимо даже от общественного состояния осуществление этого права ограничено законами природы и разума, запрещающими человеку требовать неумеренного удовлетворения и осуществлять жестокую месть, то может ли он убить своего врага? Да, но только в одном случае - когда этот ужасный поступок совершенно необходим для его собственной защиты. Проследите за применением этого принципа в общественном состоянии; люди сказали: наши личные силы слишком слабы для защиты нашего спокойствия и наших прав; соединим их для того, чтобы составить из них общественную силу, против которой разбивается каждая отдельная сила; соединим наши воли, чтобы создать из них общую волю, которая под именем закона санкционирует, определяет права каждого; установим наказания против всякого, кто посмеет эти права нарушить.

Таким образом, принадлежащие каждому человеку естественные способы пресечения и наказания нанесенных ему оскорблений были заменены законными наказаниями. А если истинная мера строгости, которую следует проявлять к врагу, определяется сама по усмотрению того, кто мстит за себя, то можно ли сомневаться в том, что общество обязано вкладывать в наказания гораздо больше мягкости, чем обособленный человек, преследующий за оскорбление?

Я сказал, что до общественного договора человек имел право убить своего врага лишь в том случае, когда этот губительный поступок был бы совершенно необходим для его защиты, но может ли этот единственный случай представиться обществу в отношении виновного? Чтобы судить о смертной казни, остается решить лишь этот вопрос. Если вне гражданского общества какой-нибудь враг покушается на мою жизнь или если, неоднократно прогнанный, он приходит опять опустошать поле, которое я обработал, то мне остается погибнуть или убить его, так как его силам я могу противопоставить тогда лишь свои личные силы, и закон естественного правосудия оправдывает и одобряет меня. Но в гражданском обществе, когда сила всех ополчается против одного, какой принцип правосудия может разрешить ему предать его смерти? И обратите внимание на одно обстоятельство, которое решает вопрос: когда общество наказывает виновного, то он не в состоянии ему повредить: оно держит его в оковах, оно судит его спокойно, оно может наказать его, лишит его возможности внушать страх на будущее время. Победитель, убивающий своих пленных врагов, называется варваром (ропот недовольства среди депутатов); человек зрелых лет, убивающий испорченного ребенка, которого он может укротить и наказать, кажется чудовищем (*ропот недовольства*).

(Аббат Мори: «Нужно попросить г-на Робеспьера пойти изложить свое мнение в разбойничьем притоне».)

Принципы, которые я развиваю, являются принципами всех прославленных людей, которые не сказали бы мне, конечно, как г-н Мори: «Идите излагать эти правила в разбойничьем притоне». Итак, вопреки всем предрассудкам несомненно, что в глазах нравственности и справедливости те омерзительные сцены, которые общество показывает с такой помпой, являются лишь торжественными убийствами, совершаемыми целыми нациями.

Но эти предрассудки долго господствовали над народами. Я признаю, что власть над человеческим родом - страшная власть; но, однако, да будет мне позволено заметить, что эта страшная власть могла бы санкционировать все те злоупотребления и преступления, которые причинили людям столько несчастья, и что, для того чтобы санкционировать их действительно, нужно по крайней мере беспристрастно обдумать все то, что было, что есть и что должно быть, и не просто подсчитать голоса, а установить истину на деле.

Разве вы не считаете, что это люди, вышедшие из рук природы, постановили о смертной казни в отношении того из нас, кого какие-либо пороки или страсть доведут до нарушения этого закона? Нет, но в каждой стране счастливые узурпаторы, когда они оказывались достаточно могущественными для того, чтобы развратить и запугать своих сограждан, говорили: тот, кто посмеет составить заговор против нас, против нашей власти, будет казнен. Они создали преступления и наказания согласно со своими личными интересами. При Тиберии похвала Брута являлась преступлением, заслуживающим казни. Калигула осуждал на смерть тех, кто появлялся обнаженным перед его статуей. Когда тирания изобрела преступления оскорбления величества, фанатизм и невежество изобрели в свою очередь преступления оскорбления божеского величия, которые могли быть искуплены только кровью.

Рассмотрим же более беспристрастно и справедливо вопрос, который впервые предлагается вниманию народных законодателей. Немногих слов, сказанных мною, достаточно для доказательства того, что смертная казнь крайне несправедлива, что общество не имело права назначать ее. Но нужно остановиться на этом подробнее и не ограничиваться тем недостаточным, однако же бесспорным, правилом, что в политике справедливо лишь то, что честно, и что общественный порядок может быть основан только на справедливости. Итак, я хочу доказать, что этот закон так же гибелен по своему действию и своим последствиям, как нелеп он и несправедлив по своему принципу.

Он необходим, говорят сторонники старого обычая. Кто это вам сказал? Испытали ли вы все средства, при помощи которых законы могут действовать на человеческую чувствительность? Скольких только страданий, физических и нравственных, не переносит человек до смертной казни! Является ли человек простым животным, на которого можно произвести впечатление лишь страхом смерти и телесных мучений? Нет. Источником его приятных или горестных ощущений является главным образом нравственная сторона его существа. Больше всего пищи для строгости законов предлагается ею. Помимо тех благ и зол, которыми человека наградила природа, общество создает для него бесчисленное множество других. Посмотрите, при помощи скольких новых страстей сажает оно его под ярмо законов; посмотрите, как оно связывает его счастье с его собственностью, семьей, друзьями, отечеством; как, в особенности, создает оно для него потребность в благосклонности тех, кто его окружает. Нет, смерть не всегда является для человека наибольшим из зол. Он ее часто предпочитает утрате драгоценных преимуществ, без которых жизнь становится ему невыносимой. Он в тысячу раз скорее захочет погибнуть, чем жить, являясь предметом презрения своих сограждан. Жажда жизни уступает гордости - этой наиболее сильной из всех человеческих страстей. Для человека, живущего в обществе, самое ужасное из всех наказаний - это позор, это неопровержимое свидетельство отвращения к нему людей. О, господа! Если вы будете достаточно внимательны, то найдете сами, что в смертной казни, предписываемой виновному законом, самое ужасное - это постыдные внешние атрибуты, которыми она сопровождается. Воин, жертвующий собой ради отечества на поле битвы, герой свободы, погибающий за нее, и злодей, осуждаемый законом, - умирают все одинаково. В чем же тут разница? В том, что последний умирает, отягченный позором, тогда как для двух других смерть является лишь источником славы.

Коль скоро законодатель может поразить граждан в столь многих чувствительных местах и столь многими способами, то почему должен он считать себя вынужденным прибегать к смертной казни? Наказания существуют не для того, чтобы мучить виновных, а для того, чтобы предупреждать преступления боязнью навлечь их на себя. А эта боязнь, господа, зависит от того впечатления, которое смертная казнь производит; само же это впечатление менее зависит от величины зла, чем от характера предрассудков, нравов и законов народа, у которого они приняты; и все эти пружины находятся в руках у законодателя. Поэтому законодатель, предпочитающий смертную казнь более умеренным наказаниям, которые находятся в его распоряжении, только оскорбляет общественную чувствительность народа, которым он управляет; наконец, он ослабляет правительственные пружины, желая растянуть их с излишней силой.

Для человека, которым движет необузданная страсть, смерть - далеко не самая сильная узда. Умереть или овладеть предметом своей страсти - вот рассуждение страстного человека. Посмотрите на честолюбца, надеющегося надеть на свою голову королевский венец: мысль о смерти, которую он презирает, пугает его меньше, чем мысль о жизни в унижении и нужде. Законодатель, установивший это наказание, отказывается, следовательно, от того спасительного принципа, что наиболее действительным средством пресечения преступлений является приспособление наказания к характеру различных страстей, которые порождают преступления, наказание их, так сказать, ими самими.

Смертная казнь необходима, говорите вы. Если это правильно, то почему многие народы смогли обходиться без нее, и по какой случайности эти народы были наиболее мудрыми и наиболее счастливыми? Если смертная казнь является более пригодной для предупреждения крупных преступлений, то у тех народов, которые щедро ее применяли, эти преступления должны были быть более редкими. А на деле происходит как раз наоборот. Посмотрите на Японию; нигде смертная казнь и пытки не распространены более, чем в Японии. Ну и что же? Нигде преступления не являются столь частыми и столь тяжкими. Можно подумать, что японцы хотят соперничать в кровожадности с варварскими законами, которые их тяжело оскорбляют и приводят в ярость.

Теперь, господа, благоволите заметить, что если вы примете тот ложный, хотя и очень распространенный принцип, что истинным, обуздывающим основанием наказаний является боязнь смерти и боли, то из этого последует, что для более действительного предупреждения преступлений потребуется распространить этот принцип как можно дальше и изобрести мучения даже после смерти.

К тому же, господа, если вы придумаете наиболее совершенный судебный порядок, если вы найдете самых неподкупных и самых просвещенных судей, всегда останется некоторое место для ошибки и предубеждения. Зачем же лишать вас возможности протянуть руку угнетенной невинности? Те бесплодные сожаления, то обманчивое восстановление чести, которое вы предлагаете пустой тени, бесчувственному праху, являются лишь слабым удовлетворением, лишь печальным доказательством варварского безрассудства уголовных законов. Лишь тому, чье вечное око видит в глубине сердец, надлежит назначать неотменимые наказания. Вы, законодатели, не можете возложить на себя эту ужасную задачу, не сделавшись ответственными за всю невинную кровь, которая прольется под мечом законов.

Остерегитесь же спутать действительность наказания с избытком строгости: первая совершенно противоположна второму. Все способствует справедливым и умеренным законам; все сговаривается против жестоких законов. Негодование, которое возбуждает преступление, уравновешивается состраданием, которое внушает крайняя строгость наказаний. Непреодолимый голос природы подымается против закона, в пользу виновного. Каждый поспешил бы выдать виновного, если бы наказание было мягким, но он чувствует, как природа содрогается в нем при одной мысли послать на смерть. Да, я не боюсь это сказать, тот закон, которым вы обязали всех граждан доносить на виновных, будет лишь несправедливым, нелепым и неисполнимым законом, если вы сохраните смертную казнь. Это первое положение доказывает необходимость согласования всех законов; оно доказывает, что изолированный закон может сделаться нелепым при сопоставлении с другими законами.

Сила законов зависит от любви и уважения, которые они внушают, а эта любовь, это уважение зависят от внутреннего ощущения, что они справедливы и разумны. Откройте историю всех народов: вы увидите, что мягкость уголовных законов соответствует у них всегда свободе, мудрости, мягкости управления. Вы видите эту постоянную последовательность в истории народов. Я привел тому тысячу примеров; напоминаю вам не пример Тосканы, но пример империи, которая была всегда покорна деспотизму, - России.

Итак, нужно признать, что счастье общества не связано со смертной казнью, ибо общество, не обладающее добрыми нравами свободного народа, продолжает существовать и при отмене в нем смертной казни. Нужно верить тому, что мягкий, чувствительный благородный народ, который населяет Францию и все добродетели которого разовьются благодаря режиму свободы, будет гуманно обращаться с виновными, и согласиться с тем, что опыт и благоразумие разрешают вам санкционировать принципы, на которые опирается мое предложение об отмене смертной казни.